ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

11

НОЯБРЬ 1961 NOVEMBER

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.
Second-class postage paid at Jordanville, New York.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ 24-ю недѣлю по Пятидесятницѣ приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Легенда. А. Щекина. 5
Бабушка. Стихотвореніе Г. К. 8
О смерти прот. о. Леонида Кроткова на Бѣломорскомъ каналѣ и священника о. Павла Панкѣева въ Тираспольской тюрьмѣ. Архимандрита Серафима (Вербина) (Продолженіе). 19
Чему насъ учитъ народная мудрость? 23

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе преп. отца нашего Варлаама Хутынскаго Новгородскаго чудотворца. М. В. 24

Училище благочестія.

Уроки по Пастырскому богословію для лицъ, желающихъ принять священство. Протопр. В. Бощановскаго (Продолженіе). 29

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы и о Чудотворныхъ иконахъ Ея.

Описанія изложены на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ Святыхъ Отцевъ и Церковныхъ преданій. Собралъ архимандритъ Пантелеимонъ.

Изаніе Свято-Троицкаго монастыря. 1958 г.

Книга въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. — 560 страницъ. Цѣна $ 6.50

Слово въ 24-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

2/15 ноября 1931 года.

Когда Господь возвратился изъ страны Гадаринской въ Галилею, народъ принялъ Его, потому что всѣ ожидали Его. И вотъ пришелъ человѣкъ именемъ Іаиръ, который былъ начальникомъ синагоги, и падши къ ногамъ Іисуса, просилъ Его войти къ нему въ домъ, потому что у него была одна дочь лѣтъ двѣнадцати, и та была присмерти. Когда же Онъ шелъ, народъ тѣснилъ Его, и женщина, страдавшая кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ, которая, издержавъ на врачей все имѣніе, ни однимъ не могла быть вылѣчена, подойдя сзади, коснулась края одежды Его, и тотчасъ теченіе крови у ней остановилось. И сказалъ Іисусъ: кто прикоснулся ко Мнѣ? Когда же всѣ отрицались, Петръ сказалъ и бывшіе съ Нимъ: Наставникъ, народъ окружаетъ Тебя и тѣснитъ, и Ты говоришь — кто прикоснулся ко Мнѣ. Но Іисусъ сказалъ: прикоснулся ко Мнѣ нѣкто, ибо Я чувствовалъ силу исшедшую отъ Меня. Женщина, видя, что она не утаилась, съ трепетомъ подошла и падши предъ Нимъ объявила Ему предъ всѣмъ народомъ, по какой причинѣ прикоснулась къ Нему и какъ тотчасъ исцѣлилась. Онъ сказалъ ей: дерзай дщерь, вѣра твоя спасла тебя иди съ миромъ. Когда Онъ еще говорилъ это, приходитъ нѣкто изъ дома начальника синагоги и говоритъ ему: дочь твоя умерла, не утруждай Учителя. Но Іисусъ, услышавъ это, сказалъ ему: не бойся, только вѣруй — и спасена будетъ. Пришедши же въ домъ, не позволилъ войти никому, кромѣ Петра, Іоанна и Іакова и отца дѣвицы и матери. Всѣ плакали и рыдали о ней, но Онъ сказалъ: не плачьте, она не умерла, но спитъ. И всѣ смѣялись надъ Нимъ, зная, что она умерла. Онъ же, выславъ всѣхъ вонъ и взявъ ее за руку, возгласилъ: дѣвица, встань. И возвратился духъ ея. Она тотчасъ встала. И Онъ велѣлъ дать ей ѣсть. И удивились родители ея. Онъ же велѣлъ имъ не сказывать никому о происшедшемъ. (Лук. **8.** 40-56).

Два чуда сотворилъ Господь: возвратилъ жизнь безнадежно больной женщинѣ и умершей дѣвицѣ. Въ обоихъ случаяхъ возвращеніе жизни Господь называетъ спасеніемъ: «не бойся, только вѣруй — и спасена будетъ», говоритъ Онъ Іаиру, когда принесена была вѣсть о смерти его дочери, и женщинѣ, прикоснувшейся къ краю одежды Господа, Онъ сказалъ: «вѣра твоя спасла тебя». Итакъ — жизнь есть спасеніе, спасеніе отъ страданій, отъ болѣзней и отъ смерти.

Мы ожидаемъ жизни будущаго вѣка, ожидаемъ второго пришествія Господа нашего Іисуса Христа. Онъ совершитъ судъ надъ міромъ: гнѣвъ Его поразитъ и истребитъ все беззаконіе, наполняющее землю. Участь творящихъ беззаконіе — съ діаволомъ, мука вѣчная, а праведныхъ Господь избавитъ отъ сатанинскаго мучительства и освободитъ отъ смерти, воскресивъ всѣхъ умершихъ, чтобы они вѣчно жили и блаженствовали.

Вотъ, если бы теперь въ Отечествѣ нашемъ снова воцарился православный благочестивый царь, то это было бы образомъ второго пришествія Господня. Безбожники, въ рукахъ которыхъ теперь власть, подверглись бы суду и наказанію, а чтущіе Бога, любящіе истину и хранящіе правду, получили бы свободу.

Но не о будущемъ только спасеніи возвѣщаетъ намъ святое Евангеліе, не о блаженствѣ только праведныхъ въ грядущемъ славномъ Царствѣ Христовомъ говоритъ оно, а увѣряетъ насъ, что и въ настоящей жизни, въ каждый день и часъ, въ каждую минуту спасеніе Божіе близко къ намъ: Господь всегда готовъ спасти рабовъ Своихъ, уповающихъ на Него и призывающихъ имя Его — и спасаетъ, избавляя ихъ отъ окружающихъ опасностей и отъ угрожающей смерти.

Въ Библіи есть прекрасный примѣръ такого спасенія. Вавилонскій царь Навуходоносоръ сдѣлалъ всенародный праздникъ — торжественное открытіе золотого истукана (царской статуи), причемъ всѣ должны были поклониться этому истукану. Но три юноши изъ іудеевъ — Ананія, Азарія и Мисаилъ — отказались поклониться истукану. Царь въ гнѣвѣ говорилъ имъ: если не поклонитесь, то въ тотъ же часъ брошены будете въ печь, раскаленную огнемъ, и тогда какой Богъ избавитъ васъ отъ руки моей». «Нѣтъ нужды отвѣчать намъ тебѣ на это, сказали юноши, Богъ нашъ, Которому мы служимъ, силенъ спасти насъ отъ печи, раскаленной огнемъ, и отъ руки твоей, царь, избавить. Если же и не будетъ того, то да будетъ извѣстно тебѣ, царь, что мы богамъ твоимъ служить не будемъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклонимся». За такой отвѣтъ юноши брошены были въ раскаленную печь, но огнь не опалилъ ихъ, и они вы-

шли изъ печи невредимыми, потому что уповали на спасеніе Божіе.

И надъ нами, надъ Миссіей нашей въ Пекинѣ, семь лѣтъ тому назадъ нависла неотразимая, повидимому, угроза уничтоженія, но покойный Владыка *), принявъ всѣ мѣры защиты, говорилъ: «Господь спасетъ». И Господь спасаетъ насъ до настоящаго дня. Такъ и всякій изъ насъ, когда окружатъ скорби, затрудненія, опасности, пусть уповаетъ на готовое для насъ у Господа спасеніе, пусть съ вѣрою говоритъ: «Господь спасетъ» — и не посрамится всякій, уповающій на Господа. Запомнимъ же слышанныя нынѣ изъ Евангелія слова Господа: «Не бойся, только вѣруй», и «дерзай, вѣра твоя спасла тебя». И будемъ повторять эти слова въ трудную минуту, чтобы сохранить непоколебимымъ упованіе на спасеніе Божіе.

*) Митрополитъ Иннокентій.

ЛЕГЕНДА.

Свѣтлой памяти Царя-Мученика и Его Августѣйшей Семьи съ благоговѣніемъ посвящаетъ авторъ сей разсказъ-легенду.

Короткій зимній день уже клонился къ вечеру, когда старый Архипычъ возвращался домой въ свою деревню... Онъ поутру отправился провѣдать своего давнишняго пріятеля 70-лѣтняго Егора Трофимова, доживавшаго свои дни въ своей родной деревнѣ Покровской... Небо постепенно заволакивалось тучами... Было видно, что къ ночи подниметься вьюга и лѣсъ, что тянулся съ одной стороны дороги, начиналъ глухо шумѣть, точно безпокоился, что приближается буря.

Изъ-за лѣса вилась дорога изъ села Орѣхово, она пересѣкала ту дорогу, по которой шелъ Архипычъ, и, обогнувъ пригорокъ, убѣгала дальше въ село Никольское. Когда Архипычъ подошелъ къ перекрестку дорогъ, то онъ увидѣлъ, что въ это же самое время на нее, съ Орѣховской дороги, вышли старый крестьянинъ и мальчикъ. Оба были одѣты не по-современному, а такъ, какъ раньше, во дни дѣтства Архипыча одѣвались крестьяне, — оба были въ зипунахъ, шапкахъ и лаптяхъ, съ котомками за плечами. Это сразу бросилось Архипычу въ глаза и, поровнявшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: "Откуда и куда путь держите?". "Да, мы идемъ въ село Никольское", отвѣтилъ старый крестьянинъ, "тамъ, говорятъ, на кладбищѣ сохранилась церковь, а завтра то, вѣдь, зимній Никола... Вотъ и идемъ мы туда ко всенощной. А такъ, мы то Костромскіе и по обѣту ходимъ по Русской Землѣ и посѣщаемъ тѣ церкви, что еще остались".

Пока крестьянинъ говорилъ, то Архипычъ все время пристально вглядывался въ ихъ лица, тщетно стараясь вспомнить, гдѣ онъ ихъ раньше видѣлъ, потому что черты ихъ лицъ ему почему-то хорошо знакомы. Наконецъ, онъ сказалъ, обращаясь къ старому крестьянину: "Видалъ я тебя раньше, старикъ! Но гдѣ и когда — не могу вспомнить!" — "Да, видалъ...", медленно сказалъ крестьянинъ. — "Гдѣ?!" — "Да тогда, когда ты получалъ свой Георгіевскій крестъ!", спокойно отвѣтилъ старый крестьянинъ.

И когда Архипычъ услышалъ его отвѣтъ, то у него вдругъ какъ бы спала пелена съ памяти и ему ясно вспомнилась уже давно имъ забытая картина: Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ обходитъ въ лазаретѣ раненыхъ и лично награждаетъ Георгіевскими крестами наиболѣе отличившихся и среди нихъ возлагаетъ крестъ и на его, Архипыча, грудь, тогда молодого унтеръ-офицера одного изъ славныхъ Сибирскихъ полковъ. "Спасибо за службу!", говоритъ Государь, и Архипычъ только смогъ тогда прошептать отъ нахлынувшаго на него трепетнаго чувства встрѣчи съ Царемъ: "Радъ стараться, Ваше Императорское Величество!" То было тогда, а теперь...

"Батюшка Царь!!!", восклкнулъ Архипычъ и повалился въ ноги странникамъ. Слезы полились у него изъ глазъ и онъ пытался что-то сказать и обнять ноги старика, но не могъ ихъ найти. А когда, наконецъ, онъ пришелъ въ себя и поднялъ свое лицо, то увидѣлъ, что вокругъ уже никого нѣтъ. И только лишь слѣды лаптей, которые сталъ быстро заносить начавшійся снѣгопадъ, говорили о томъ, что это не былъ сонъ. Черезъ нѣсколько минутъ началась вьюга, налетѣлъ вѣтеръ и закружилъ и завертѣлъ снѣжинки,и они понеслись куда-то въ дикомъ хороводѣ, и Архипычъ заторопился домой, гдѣ его уже заждалась старуха жена. Дома онъ первымъ дѣломъ сталъ что-то искать подъ поломъ, пока не вытащилъ какой-то свертокъ, въ которомъ былъ тотъ самый Георгіевскій крестъ, что онъ получилъ отъ Государя.

"Зачѣмъ ты его вытащилъ?", сердито набросилась на него жена, "смотри, какъ бы чего не вышло!"

"А затѣмъ, Васильевна, что я Государя Императора встрѣтилъ!"

"Да, ты, что?.. Рехнулся, что ли?"

"Нѣтъ! Не рехнулся я, жена! Самолично съ нимъ разговаривалъ!", и разсказалъ ей о своей необыкновенной встрѣчѣ...

Весь вечеръ старый Архипычъ былъ взволнованъ. Хотѣлъ, было, сразу же идти въ Никольское, да старуха жена не пустила, — "куда идти то въ такую мятель!"

На утро вьюга прекратилась и Архипычъ отправился въ Никольское и сразу же прошелъ на кладбище въ старую маленькую церковь, почти совсѣмъ занесенную снѣгомъ. Когда онъ туда пришелъ, то старый и сѣдой какъ лунь отецъ Василій уже заканчивалъ служить обѣд-

ню. Кромѣ него да двухъ старухъ въ церкви никого не было. Когда служба закончилась, то Архипычъ, подходя ко Св. Кресту, сказалъ о. Василію, что у него есть къ нему дѣло, и, когда послѣдній разоблачился и вышелъ изъ алтаря, то Архипычъ спросилъ его, были ли вчера у всенощной старый крестьянинъ и парубокъ.

"Были! А ты откуда объ этомъ знаешь?", удивленно спросилъ о. Василій, и Архипычъ повѣдалъ ему о своей необычайной встрѣчѣ.

"Да...", задумчиво сказалъ о. Василій, "старый крестьянинъ почти всю службу простоялъ на колѣняхъ и горячо молился, а когда кончилась всенощная, то подошелъ ко мнѣ, поклонился въ поясъ и сказалъ: "Да вознаградитъ тебя, батюшка, Господь за твою вѣрность Христу!" и, принявъ благословеніе, пошелъ съ паренькомъ до двери, а я какъ-то задумался надъ его словами и вообще надъ ихъ страннымъ появленіемъ въ моей церкви, и только тогда, когда закрылась за ними дверь, то только тогда я сообразилъ, что на дворѣ то вѣдь бушуетъ вьюга... Поспѣшилъ къ двери, чтобы воротить ихъ. Вышелъ на паперть, а снѣгъ такой валилъ, что ни зги не видно было. Такъ и ушли они во вьюжную ночь..."

Вотъ такъ и ходитъ покойный Государь по Русской Землѣ, являясь очень и очень немногимъ, и молится за Русскій народъ, за его спасеніе, дабы онъ вновь вернулся на путь вѣры и благочестія, на путь завѣтовъ Христа!

А въ ночь на 17 іюля, въ часъ своей страшной кончины, онъ каждый годъ приходитъ въ Успенскій соборъ. Тогда открываются тяжелыя двери древняго собора, и Царь въ коронаціонныхъ одеждахъ входитъ въ него, гдѣ его уже ждутъ и встрѣчаютъ съ великою славою. Впереди всѣхъ, въ черной рясѣ въ эпитрахили съ иконой Божіей Матери "Умиленіе", преп. Серафимъ Саровскій, въ окруженіи святыхъ, прославленныхъ въ царствованіе покойнаго Императора. "Здравствуй, Радость моя!", привѣтствуетъ его преподобный, и Царь, приложившись ко святой Иконѣ, проходитъ на клиросъ и до первыхъ проблесковъ зари въ святомъ соборѣ идетъ великое молебствіе о спасеніи Россіи, совершаемое сонмомъ умученнаго и убіеннаго духовенства.

А когда начинаетъ розовѣть востокъ, то Царь выходитъ на Красную площадь, чтобы принять парадъ всѣхъ тѣхъ, кто души свои положили за други своя, за Вѣру, за Царя, за Отечество. И, спустившись изъ горняго міра, впереди всѣхъ идутъ дѣти кадеты, тѣ самые дѣти, что не задумываясь пріяли смерть за Россію, за буквы на погонахъ и за то, что они были по дѣтски вѣрны своему Государю. Затѣмъ идутъ гимназисты, студенты, юнкера, идутъ молодые безусые солдаты и офицеры, и старики запасные, и генералы, идутъ казаки, крестьяне, купцы.., идутъ всѣ тѣ, кто за Россію положили свою жизнь! И легіоны ихъ, какъ легкое дуновеніе предразсвѣтнаго вѣтра, проносятся мимо Царя, а когда

въ туманѣ наступающаго дня исчезаетъ послѣдній легіонъ, то тогда Царь снимаетъ съ себя царскія одежды и вновь, въ видѣ странника съ котомкой за плечами, пускается въ свой далекій путь, который закончится только тогда, когда онъ обойдетъ всѣ церкви Руси и помолится въ каждой изъ нихъ!

А. Щекинъ.

Бабушка.

Вѣтеръ пошумливать началъ въ трубѣ.
— «Холодно стало, малютка, тебѣ?»
Въ этотъ задумчивый вечеръ печали
Долго, впервые мы, долго молчали.
Ты обогрѣлась? Глядишь на меня
Будто съ вопросомъ? И отблескъ огня
Въ глазкахъ колеблется свѣтомъ тревожнымъ,
Словно источникъ всѣхъ слезъ въ невозможномъ,
Ставшимъ возможнымъ, внезапно возникъ
Въ чистыхъ зѣницахъ — и замеръ языкъ...

Что я отвѣчу? Мой возрастъ, мой опытъ,
Словъ неувѣренныхъ ласковый шопотъ —
Развѣ отвѣтъ на вопросъ роковой?
Развѣ не малъ я предъ чистой душой?
Сироты оба мы нынче впервые.
Смолкли за стѣнкой молитвы святыя.
Виденъ намъ въ дверь сиротливый кіотъ.
Въ дверь эту бабушка вновь не войдетъ!
Думаю такъ я, но вымолвить это
Словно боюсь, словно холодъ отвѣта
Чуткое сердце заставитъ признать
То, что сознанье спѣшитъ отогнать...
Бабушка гдѣ, моя крошка родная?

«Бабушка — ходитъ подъ деревомъ рая!
Ангелъ ее въ это мѣсто увелъ...»

Вотъ, гдѣ я слово святое нашелъ!
И мнѣ понятнымъ до горечи стало,
Какъ это слово во мнѣ запоздало, —
Лишь предъ утратой, какъ вспышка огня,
Новое знанье объемлетъ меня.
То, что открылось мнѣ только въ утратѣ,

Вдругъ прочиталъ я во взглядѣ дитяти!
Такъ! будто лучше и глубже оно,
Будто, къ стыду моему, ужъ давно
Съ подвигомъ, съ жертвой знакома малютка,
Будто острѣе и болѣе чутка
Крошка, чѣмъ я... Что-жъ я дамъ ей теперь?
Смотритъ она въ пріоткрытую дверь,
И велика безкорыстная вѣра
Въ ней, не видавшей святого примѣра,
Съ чѣмъ вѣдь я рядомъ свой путь проходилъ...

«Бабушку ангелъ туда проводилъ?
Это далеко отъ нашего дома?»
— Ей, моя дѣтка, была ужъ знакома
Тропочка въ радостный Боженькинъ садъ.

«Домики тоже на небѣ стоятъ?
Бабушку дождикъ, навѣрно, не мочитъ?
Къ намъ ужъ вернуться она не захочетъ...»
— Нѣтъ, въ томъ краю не бываетъ дождей,
Горя и слезокъ, тамъ нѣтъ, и ночей:
Вѣчное солнышко тамъ не заходитъ.
Часто въ той области Боженька ходитъ.
Ласково ангелъ въ окошко стучитъ:
Градъ свой Утѣшитель, молъ, посѣтитъ.
Тутъ открываются домики-кельи,
Всѣ выбѣгаютъ, и въ чистомъ весельѣ
Ходятъ и слушаютъ птичекъ святыхъ...

«Слушаетъ тоже и бабушка ихъ?
Какъ ихъ послушать я съ ней бы хотѣла!»
— Ты то подслушать ихъ, дѣтка съумѣла
Раньше меня... Какъ? — сердечко сказать
Можетъ о томъ, что умомъ не понять!
Вотъ и подскажетъ тебѣ оно снова
Все, что не выразитъ блѣдное слово...
Я-жъ, вспоминая далекіе дни,
Вижу, какъ въ мракѣ проходятъ они,
Тамъ, за морями, далеко, въ Россіи...
Гдѣ? — ты спросила. Гдѣ жили святые,
Богу молились за грѣшныхъ людей,
Гдѣ и для бабушки бѣдной твоей
Время настало великихъ страданій...

Дѣдушка твой оказался въ изгнаньѣ.
Было насъ четверо, старшимъ былъ я.
Помню я, въ наши родные края
Вмѣстѣ съ гражданской войною вступила
Люто-голодная, злая зима.
Бабушка съ нами и билась сама.

Съ годъ свой любимый предметъ, рисованье,
Преподавала, но рвенье и знанье
Не согрѣвали и старшихъ дѣтей.
Страхъ замѣчать сталъ я, помнится, въ ней.
Вѣришь ли, въ школахъ чернила смерзались;
Къ маленькимъ печкамъ тѣснились, сопвались
Дѣти и взрослые. Помню, не разъ,
Боже мой, даже при младшихъ, при насъ,
Учителя у котла раздражались,
Споря за крохи; иные старались
Лишнюю ложку себѣ перелить...

Все, что горѣло, пустилась громить
Новая власть величаваго града.
Нѣсколько улицъ, въ порядкѣ наряда,
Домъ разрушали: сгоняли жильцовъ;
Людямъ обломки сдавали съ вѣсовъ.
Рамы, полы, всевозможныя балки,
Двери рѣзныя, подчасъ не безъ свалки,
Всѣ, кто какъ могъ, волокли по домамъ.
Помню, какъ домъ, предназначенный намъ,
Домъ трехъэтажный, старуха сѣдая
Все обходила, глаза утирая;
То остановится, глядя въ проломъ,
То, позабывъ объ опасности, въ домъ
Молча заглянетъ, то къ сломанной крышѣ
Взглядъ обратитъ и какъ будто бы слышитъ
Жизни разрушенной отзвукъ родной
Въ грохотѣ, вызванномъ страшной рукой.
Вотъ и съ добычею мы — я и мама:
Дверь — а на ней тяжеленная рама
Давитъ намъ головы: шествуемъ мы
Къ свѣту и счастью изъ рабства и тьмы.

Да, какъ съ плакатомъ, плелись мы съ дровами.
Въ очереди мы дрожали ночами.
Въ стужу топтаться народъ начиналъ.
Нищенкѣ кто-то привѣсокъ давалъ.
Ужъ не кормило таланты искусство.
Тупитъ безуміе тонкое чувство.
Смотритъ прозаику-пекарю вслѣдъ
Съ мукой духовнаго хлѣба поэтъ.
Тутъ помогло намъ знакомство въ невзгодѣ:
Мамѣ съ полъ-года на хлѣбномъ заводѣ
Выпало счастье работать швеей.
Шилася сдѣльно при немъ въ мастерской
Вся спецъ-одежда въ пекарни столицы.
Трудно, далеко... но страхъ блѣднолицый

Руку протягивалъ рѣже ужъ къ ней.
Впрочемъ, стучалась нужда у дверей:
Не поддержала совѣтская школа,
Свернутъ заводъ, и поѣхала въ села
Мама со мною... И вотъ мы зимой
Оба обходимъ избу за избой.
Въ мѣну уходятъ обломки былого.
Все это бѣдно, но надо ли много
Для погибавшихъ!.. Тащу я съ трудомъ
Санки за мамой съ завѣтнымъ мѣшкомъ.
Вѣтры насъ часто снѣжкомъ облѣпляли,
Дождики ранней весной обливали.
Помню, какъ рѣчкою Лугой въ челнѣ
Плыли мы нѣсколько дней по веснѣ.
Днемъ въ деревушкахъ что можно мѣняли.
Въ немъ мы прижавшись другъ къ другу и спали.
Помню надъ рѣчкой одинъ я сижу,
Наши пожитки и челнъ сторожу.
Молча смотрю я въ родимыя дали.
Въ сердце вливается струйка печали:
Жалко мнѣ маму, голодныхъ дѣтей,
Жалко какъ будто и этихъ полей.
Много позднѣе, уже на чужбинѣ,
Вспомнивъ, бывало, о черной годинѣ,
Русскій народъ поминала добромъ
Дочь его, съ тѣмъ же сердечнымъ тепломъ.
Такъ мнѣ подвижница-мать говорила:
«Женщина — сколько я селъ исходила,
Но ни одинъ, ни одинъ человѣкъ
Скорбной дороги мнѣ не пересѣкъ!
Мнѣ ни одинъ не промолвилъ худого...
Мира прошу я въ молитвѣ у Бога
Для оездоленныхъ русскихъ людей.
Паче же всѣхъ — для сестеръ-матерей».
Сколько въ то время страданій и горя
Было повсюду — соленое море
Слезъ неизбывныхъ. Но маминыхъ слезъ
Въ памяти сердца я мало унесъ.
Разъ — вспоминать это я, умирая,
Буду навѣрно — какъ, глухо рыдая,
Голову сжавъ въ цѣпенѣвшихъ рукахъ,
Страшно она застонала въ слезахъ.
Это ужъ не были женскія слезы,
Не были это проклятья, угрозы...
Вопль это былъ, точно зовъ, иль вопросъ.
Вопль этотъ ужасомъ къ сердцу приросъ.
Но, обладая терпѣньемъ огромнымъ,
Насъ она жаждала, въ подвигѣ скромномъ,

Хоть бы отъ нравственныхъ мукъ оградить.
Чтобы напрасно дѣтей не смутить,
Тяжкое бремя тревогъ и страданья,
Всѣ свои думы и всѣ испытанья,
Въ сердцѣ глубоко умѣла слагать
Чуждая позы великая мать.
Мало кто это у насъ замѣчаетъ.
Истинный подвигъ Господь отмѣчаетъ.
Но для забывчивыхъ узкихъ людей
Подвигъ — звено обыденныхъ вещей.
Много свидѣтельствъ и дѣлъ героизма.
Но неизслѣдима тайна трагизма
Всѣхъ обреченныхъ въ любви матерей,
Жаждущихъ вырвать у смерти дѣтей!
Нѣтъ! Равноцѣннаго нѣту на свѣтѣ!
Дѣти, спасенные жертвою дѣти!
Пусть вы на тяжкихъ, кремнистыхъ путяхъ —
Помнить должны о своихъ матеряхъ.
Вижу я, подлинно вижу, и знаю,
Чѣмъ я усталую душу питаю.
Что насъ духовно способно питать?
Это — себя позабывшая мать.
Въ сердцѣ глубоко живетъ убѣжденье:
Если Россіи сулитъ что спасенье,
Это — молитва къ Владыкѣ царей
Матери всѣхъ дорогихъ матерей.
Вѣрую — тверже кремня упованье! —
Что къ возрожденью дорога — страданье.
Подлинно! Иначе незачѣмъ жить:
Жизни лишь для жизни — съ душой не слить...

Такъ то малютка... И ты загрустила?
Это — побѣдная Божія сила
Въ сердцѣ безгрѣшномъ неясно дрожитъ:
Та, что утраченный рай возвратитъ.
Боже, ужасны суровые судьи,
Тѣ неподвижные внутренне люди,
Кто никогда не грустилъ ни о чемъ,
Въ жизни шагая съ слѣпымъ торжествомъ.
Но Богъ не съ ними: ихъ кончится время.
Въ добрыхъ же сѣется чистое сѣмя
Ангеломъ въ нашъ испытующій вѣкъ:
Свѣчкой теплится живой человѣкъ.
Въ небѣ, гдѣ Бога всегда славословятъ,
Тамъ ужъ ему и обитель готовятъ.
Чудно трезвонятъ съ небесныхъ церквей.
Домикъ тамъ бабушки славной твоей.
Въ шествіи въ храмъ и она выступаетъ.
Все она видитъ, все она знаетъ.

Видитъ и насъ она, дѣтка, съ тобой,
Тихо сіяя улыбкой святой:
Радуется за спасенныя души...
Ты не устала? Ну дальше послушай.
Будто затихъ уже вѣтеръ въ трубѣ...
Все разсказать я не въ силахъ тебѣ.
Ну, да сердечко добавитъ къ разсказу
Все ускользнувшее. Трудно мнѣ сразу
Лѣтопись скорби въ слова уложить,
Въ сжатое слово, способное жить,
Въ слово полезнаго, вѣчнаго знанья,
Не выраженье пустого сознанья,
Нѣтъ — чтобъ творить оно долго могло,
Чтобъ оно сердце питало и жгло.
Разъ не исчезли еще и понынѣ
Неподчиненныя тлѣнью святыни,
Значитъ, и слово такое дано.
Мнѣ то не очень послушно оно...

Разъ, вспоминаю, дорогою снѣжной
Мы заблудились. Равниной безбрежной
Тянутся мимо снѣга и снѣга.
Смерклось. Ужъ тонетъ порою нога.
Было, и не было, будто, дороги...
Лѣсъ незнакомый... Мы оба въ тревогѣ.
Силимся эти мѣста опознать.
Только къ полуночи сталъ долетать
Сладостный лай... Отъ деревни знакомой
Мы недалеко и были... Но дома,
Какъ пробудившись отъ тяжкаго сна,
Не вспоминали, ни я, ни она,
Ночи зловѣщей... Но этого мало...
Часто до нитки тогда обирала
Власть на вокзалѣ несчастныхъ людей,
Освобожденныхъ отъ царскихъ цѣпей.
Всѣ поѣзда были людомъ забиты.
Освободителемъ были открыты
Къ голоду съ помпой широко пути.
Трудно достать — но труднѣй довезти
Хлѣбъ оказавшимся въ полномъ почетѣ...
Какъ-то въ Рославль мама ѣздила къ тетѣ.
Тоже тамъ факелы счастья зажглись,
Но о «народѣ» тамъ меньше пеклись:
Плановъ отсталая глушь не познала, —
Были еще и картошка и сало.
Тамъ за какую-то вещь «кулаки»
Отдали мамѣ полпуда муки...
Очень въ дорогѣ мука утомила.
Лѣто, жара! И корзинка страшила —

Съ благами жизни, подарокъ сестры...
Страхъ тяжелѣе толпы и жары...

Страшной нуждою, безправьемъ, насильемъ,
Несшимъ предѣлъ и высокимъ усильяемъ,
Были изъ города изгнаны мы.
Бабушка вновь, съ наступленьемъ зимы,
Въ маленькой школѣ сосѣдней деревни
Стала работать. Но путь ежедневный
За три версты для нея былъ тяжелъ.
Да и нужда не щадила и школъ.
Всюду, какъ дыры, бѣда, недостачи...
Жили ужъ мы въ недостроенной дачѣ —
Дѣдушка кончить ее не успѣлъ.
Городъ въ то время почти опустѣлъ.
Мама туда иногда уѣзжала,
Ну, а до станціи было не мало —
Верстъ эдакъ двадцать дорогой лѣсной.
Разъ, это раннею было весной,
Медленно двигалась мама съ вещами.
Вздулись ручьи — недалеко за нами
Рѣчка одна была, Ящуромъ звать...
Стала съ тревогою мама сползать
Къ бревнышкамъ зыбкимъ, прибитымъ водою;
Вотъ до другого дрожащей рукою
Силясь достать, на одинъ налегла —
И по шершавой корѣ поползла.
Вотъ уже руки ея дотянулись, —
Какъ отъ движенья стволы разомкнулись!..
Льдисто за пазуху струйка течетъ...
Страстной мольбою въ груди вопіетъ
Сердце страдалицы къ Богу надъ бездной.
Силы, и такъ уже здѣсь безполезной,
Мало. Ни крика, ни звука въ тотъ мигъ
Ужъ не издастъ цѣпенѣвшій языкъ...
Господу вѣдомо, какъ это сталось —
Но на другомъ берегу оказалась
Бабушка съ очень тяжелымъ мѣшкомъ...
Съ нами, съ дѣтьми, ни тогда, ни потомъ,
Тайной своей она не дѣлилась.
Кроткимъ смиреньемъ потомъ объяснилось
Это молчанье — лишь вскользь, предъ концомъ
Намъ разсказала о чудѣ своемъ.
Мать, твой удѣлъ былъ поистинѣ горекъ.
Эти побѣды не вспомнитъ историкъ.
Трубы и слава гремятъ не о нихъ —
Но то записано въ книгѣ живыхъ.

Въ юдоли плача и то миновалось.
Мнѣ ужъ до службы два года осталось.

Старшихъ тогда снарядила бѣжать
Съ Родины-мачехи кровная мать.
Долго, упорно она хлопотала,
Гдѣ-то какихъ-то друзей разыскала,
Явки наладила, ѣздила въ Псковъ.
Насъ проводила безъ жалостныхъ словъ,
Ясно съ перрона намъ всѣмъ улыбнулась...
Такъ навсегда, навсегда повернулась
Горя страница въ сознаньѣ моемъ,
Сумракомъ кроя отеческій домъ...
Такъ!.. И понынѣ... какъ въ тонкомъ туманѣ,
На сокровенномъ душевномъ экранѣ
Запечатлѣлся любимый протретъ.
Родина! сколько томительныхъ лѣтъ,
Сколько надеждъ уже кануло въ Лету...
Точно разсѣялись птицы по свѣту
Всѣ мы, пожаромъ гонимые въ даль.
Въ сердцѣ глубоко пустила печаль
Корни, и вырасло дерево боли.
Терпки плоды его; горечь неволи
Каплетъ на землю чужую, какъ ядъ;
Грустно склоняются вѣтви назадъ.
Въ нихъ не увидишь насельницъ пернатыхъ,
Въ тѣнь его дѣвы въ одеждахъ богатыхъ
Съ звонкой бесѣдой не клонятъ колѣнъ;
Нѣтъ для него годовыхъ перемѣнъ.
Чаще проходятъ надъ деревомъ тучи.
Правда, порою въ случайномъ созвучьѣ
Съ нашею пѣснью знакомо звучатъ
Трели вечернія пастыря стадъ;
Но отдаленно, какъ сонъ, отраженье.
И распознать, въ томъ чужомъ искаженье
Тайны родимой — способна душа,
Какъ ни была-бы та пѣснь хороша.
Духъ всенародности, духъ многогранный,
Геніемъ въ образъ единый сліянный
Волей Создателя — неповторимъ:
Даже въ изгнаньѣ мы связаны съ нимъ.
Это мы поняли только въ утратѣ;
Въ этомъ есть вѣянье той благодати,
Что отъ былыхъ заблужденій спасетъ:
«Наше» такъ въ будущемъ дѣтямъ вернетъ.
Ибо упали то мы — въ подражаньѣ,
Въ грѣшной гордынѣ и въ ложномъ призваньѣ:
Молъ, превзойдемъ мы въ послѣднемъ бою
Бога, ставъ сами богами въ раю...

Какъ это было давно! А понынѣ
Сердцемъ прикованъ я къ смутной картинѣ

Ночи, границы и группы людей,
Кравшихся въ даль отъ родныхъ рубежей...
Что, моя милая? — Нѣтъ, я не плачу...
Впрочемъ, великой печали не прячу.
Да, я страдаю, но не о себѣ:
Думы, тревоги, дитя — о тебѣ...

Вотъ заграницей и мы оказались.
Люди различные намъ повстрѣчались.
Но отъ мечтаній до грозныхъ проблемъ,
Кажется, путь не былъ пройденъ никѣмъ.
Дома то намъ рисовалось иное, —
Нѣкое пламя, горѣнье святое,
Но не фокстротъ теософскихъ бесѣдъ,
Чеховскихъ призраковъ чахлый букетъ.
Вальсы и «чайныя чашки», какъ дѣло,
Жалкіе «измы», взаимныя стрѣлы,
Милый лубокъ, вольнодумія бредъ —
Не было тѣмъ, что давало отвѣтъ
Сердцу, уставшему въ мукахъ томленья.
Нужно ли было въ то время сравненье?
Или въ бездѣйствіи слабымъ брюзгой
Скоро становится даже герой?
Я не сужу и судить я не смѣю,
Но о погибшемъ въ насъ я сожалѣю.
Право страдать мнѣ рожденьемъ дано:
Русское сердце Россіей полно:
Съ острова Смерти кто — жалки пирушки,
Этихъ пустѣйшихъ суетъ побрякушки.
Сквозь бутафорію пестрыхъ лубковъ
Видится ужасъ несчастныхъ рабовъ.
Мимо скорѣе — во тьму катастрофы,
Къ самой вершинѣ Россійской Голгоѳы,
Тянется умъ, потрясенный до дна.
Чьею увѣнчана кровью Она!
Царственной кровью земного владыки!..
Мученикъ свѣтлый, ходатай великій!
Тамъ, у престола Владыки царей,
Вымоли милость отчизнѣ моей!
«Что говоришь ты такое?..» — О, дѣтка!
Въ самое сердце, настойчиво, мѣтко
Входитъ сжигающей скорби кинжалъ.
Онъ вѣдь меня въ свою жертву избралъ.
Вырвать его изъ груди не могу я.
Часто ночами ,молясь и тоскуя,
Я предъ великою Тѣнью стою
Съ чувствомъ предавшаго братьевъ въ бою.
Такъ... Пусть во внѣшнемъ минуло и это.
Но то — ступень восхожденія. Гдѣ-то,

Гдѣ-то раждается новая высь,
Гдѣ бы другія слова раздались...

«Что-жъ замолчалъ ты? Ты не разсердился?
Дальше что было-то?» — Я отклонился:
Бездны коснулся я въ русской судьбѣ.
    Послѣ откроется это тебѣ...
Впрочемъ, не длинно мое продолженье —
Мнѣ тяжелѣе найти выраженья
Чувствамъ, стѣснившимся въ сердцѣ больномъ...

Съѣхались мы заграницей потомъ.
Не жилъ ужъ дѣдушка... Жизнь сиротѣла...
Бабушка чуднымъ талантомъ владѣла.
Видишь всѣ эти картины? Онѣ
Самые ранніе дѣтскіе дни
Мнѣ освѣтили: цвѣты и портреты,
Эти пейзажи — родные сюжеты.
Много въ нихъ чувства, любви, мастерства,
Жизненной правды... Но развѣ слова
Выявятъ лучикъ далекаго Неба?..
Въ этомъ источникъ насущнаго хлѣба
Промысломъ Божіимъ въ изгнаньѣ возникъ:
Благъ раздаятель безмѣрно великъ!..
И вотъ такой до конца оставалась
Бабушка наша, и дѣтямъ старалась
Тайну сокровищъ своихъ передать.
Ей и въ изгнаньѣ пришлось пострадать.
Денно она у мольберта трудилась,
Нощно, мнѣ вѣдомо, жарко молилась;
Долго талантливой кистью своей
Въ жизненной страдѣ крѣпила дѣтей.
Имя ея люди скоро узнали.
Праздной ее никогда не видали.
Созданныхъ ею вещей мнѣ не счесть.
Въ томъ и величіе подлинно есть,
Что въ безпросвѣтности жизни текущей
Съ годами бабушка духомъ росла.
Въ старости такъ же подвижна была
Въ творчествѣ, въ каждомъ движеньѣ, въ походкѣ.
Въ рѣчи порою шутливыя нотки
Слышались, тѣни сѣгали съ лица.
Но не надолго. Она до конца
Будто чужою въ житейскомъ болотѣ.
Людямъ казалась. Отдавшись работѣ,
Съ думами, съ книгами, въ кельѣ своей
Было ей легче вдали отъ людей...

Но не отъ старости, не отъ недуга
Нынче не стало великаго друга.

Ты это знаешь, малютка моя.
Вспомню, въ безсильномъ отчаяньѣ, я —
И не могу ни забыть, ни молиться.
Знаю, что можетъ и камень разбиться,
Можетъ и молнія дерево сжечь,
Витязя можетъ желѣзо разсѣчь.
Можетъ!.. Но сердцу понять невозможно,
Какъ неожиданно, неосторожно,
Другъ нашъ, сорвавшись, убился... вотъ тутъ!
Дикія мысли въ сознаньѣ плывутъ.
Какъ это странно, мучительно ново!
Боже, прости мнѣ мятежное слово!
Знаю: спасительный крестъ я ношу —
Значитъ, я снова, забывшись, грѣшу!
Но пусть одна половина сознанья
Знаетъ, что значатъ слова покаянья —
Все же теперь половины другой
Кто-то касается мертвой рукой...

Что, моя крошка, ты тихо привстала?
«Ахъ я... я будто въ дверяхъ увидала
Бабушку... Будто, молясь на кіотъ
Бабушка низко поклоны кладетъ.
Будто на ней золотая мантилья,
И, распростерши широкія крылья,
Ангелъ-Хранитель за нею стоитъ,
Шопотомъ что-то онъ ей говоритъ...
Видя ихъ, я шевельнуться не смѣла...
Бабушка будто на насъ посмотрѣла,
И я замѣтила ясно на ней
Капельки красненькихъ чудныхъ камней —
Будто кровавая строчка блеснула...
Тутъ на нее она молча взглянула,
Ручкою такъ вотъ по ней провела —
И, невеселая, въ стѣнку ушла...
Плачешь ты? Нѣтъ, уже плакать не надо.
Самъ говорилъ ты, что бабушка рада
Радостямъ нашимъ, а слезы дѣтей
Тамъ и у Господа тягостны ей...»
— Да, моя крошка, любовь безъ терпѣнья
Будитъ впустую однѣ сожалѣнья.
Истина въ томъ, чтобы намъ до конца
Славить за крестъ испытаній Творца.
Въ этомъ и радость: коль въ насъ она внидетъ,
Мудрость небесныхъ и это увидитъ.
Радость — въ смиреньѣ! И только о ней
Бабушка молится къ благу дѣтей...

Божія правда все та же на свѣтѣ.
Дѣти! Спасенныя жертвою дѣти!

Если порою вамъ станетъ не въ мочь,
Если соблазнъ въ непроглядную ночь
Юдоли грѣшной васъ въ сѣти уловитъ —
Пусть въ упованьѣ свой взоръ остановитъ
Каждое сердце на образѣ той,
Кто подвизался не къ славѣ земной...

Г. К.

О смерти прот. о. Леонида Кроткова на Бѣломорскомъ каналѣ и священника о. Павла Панкѣева въ Тираспольской тюрьмѣ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ, ОТБЫВАВШАГО СРОКЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ НА БѢЛОМОРСКОМЪ КАНАЛѢ ВЪ ЗАОНѢЖЬѢ.

(Продолженіе.)

Во время нашего 15-дневнаго путешествія отъ Тирасполя до лагеря на Онѣгѣ, намъ ежедневно выдавали по двѣ соленыхъ воблы и 400 гр. чернаго недопеченаго хлѣба, а воды ни капли. Дивно, что никто не умеръ и никто не болѣлъ. Послѣ чечевичной похлебки, за подобную Исавъ продалъ первенство своему брату Іакову, въ чемъ, какъ видно, мы всѣ виновны, начался безчисленно повторявшійся обыскъ. А вечеромъ всѣхъ новыхъ погнали на комиссію въ лазаретъ для опредѣленія трудоспособности, т. е. сколько можно выжать изъ каждаго силы, пота и въ кратчайшій срокъ довести до могилы. Въ комиссіи участвовали заключенные врачи. Завѣдующій лазаретомъ Георгій Александровичъ Косткевичъ — кіевлянинъ; извѣстный хирургъ П. Х. изъ Иркутска; Надежда Павловна Рябушинская изъ Москвы и чекистъ въ формѣ ОГПУ. Первая комиссія, по приказу чекиста, всѣхъ прибывшихъ аттеставала годными, только нѣсколькихъ старичковъ перевели на букву «А», «Б» и «В». Возраженіе врачей чекистомъ не принималось во вниманіе. Но иногда, за отсутствіемъ чекиста, врачи старались больше найти причинъ къ освобожденію слабыхъ и дѣйствительныхъ больныхъ. Особенно въ такихъ случаяхъ, болѣе другихъ старалась Надежда Павловна, переводя многихъ въ категорію инвалидовъ, съ правомъ работать дневальнымъ, сторожемъ, въ канцеляріи, а съ буквой «В» освобождались отъ работъ.

На зиму всѣхъ стариковъ инвалидовъ перегнали дальше въ глубь тайги, гдѣ они, человѣкъ по 200, протаптывали по снѣгу въ поясъ дороги для перевозки лѣса къ берегамъ рѣкъ и канала. Весною комиссія во главѣ съ бывшимъ фельдшеромъ Д. Пасько-Батура, оставшимся на службѣ въ ОГПУ, всѣмъ инвалидамъ повысила трудоспособность, съ обязательствомъ метровыя бревна однимъ топоромъ

превращать въ дранку. Въ этомъ глухомъ концлагерѣ было два архіерея: Епископъ Владивостокскій Варсонофій (Лузинъ), отбывавшій второй, 10-лѣтній, срокъ послѣ перваго, 5-лѣтняго, въ бытность, послѣ Казани, Епископомъ Иркутскимъ, — работалъ бухгалтеромъ; а второй, говорили: самосвятъ батько Молчановскій — работалъ лекпомомъ — фельдшеромъ. Съ Владыкой Варсанофіемъ батюшка скоро познакомился, но старались, елико возможно, скрывать это. Узнавъ о религіозномъ убѣжденіи баньщика, батюшки иногда въ праздники молились въ банѣ.

Однажды, во время отсутствія чекистовъ, наканунѣ Преображенія, Владыка пригласилъ батюшку пройтись въ лѣсъ, не открывая своего намѣренія. Пошли. Выйдя за предѣлы лагеря, вошли въ дѣвственную очаровательную тайгу, которая вѣками привлекала въ свое лоно нашихъ подвижниковъ и любителей божественной тишины и вдохновеннаго уединенія. Пройдя порядочно, подошли къ небольшому серебристому, журчавшему въ заросляхъ ручью, по сторонамъ котораго были видны кусты малины, переплетенные черной ежевикой, похожей на зрѣлые виноградные кисти. Рука Господня не оставила безъ лакомаго дессерта лѣсныхъ звѣрей, птицъ и любителей пустыннаго безмолвія — иноковъ. Пройдя выше остановились, заговорили, — вдругъ услышали ревъ медвѣдя, стоявшаго на заднихъ лапахъ за кустами малины, какъ видно, пришедшаго полакомиться дессертомъ. Увидя насъ, онъ пустился бѣжать, съ трескомъ ломая кусты и сухія вѣтки. Это случилось такъ быстро и неожиданно, что страхъ не успѣлъ овладѣть ими. Прошли дальше. Передъ ними открылась черная ягодная поляна: цѣлебной черники, голубики, морошки и поля черемши, а вдали виднѣлось зеркальное озеро, вокругъ котораго краснѣла созрѣвающая брусника; а грибовъ, лѣсовыхъ яблоковъ, черешни и грушъ несмѣтное количество. И весь этотъ даръ Божій нынѣ попирается неблагодарнымъ Хамомъ. Оріентируясь по тѣни деревьевъ пошли на востокъ, невдалекѣ обрѣли орѣховые кусты окружавшіе большой валунъ-камень, въ видѣ жертвенника. «Ну, батюшка, — сказалъ владыка: лучшаго мѣста для молитвы не найти. Здѣсь, возможно, не одинъ пустынникъ молился въ прошлые вѣка, помолимся и мы сегодня». Владыка изъ кармана бушлата вынулъ епитрахиль и возгласилъ, обратя взоръ къ Небу: «Слава Святѣй, и Единосущнѣй, и Животворящей, и Нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»... — батюшка: «Аминь». И такъ наизусть, что знали, то пѣли и читали, и благополучно вернулись въ лагерь.

Ближайшей зимой въ нашемъ лагерѣ былъ состряпанъ процессъ по растратѣ ста тысячъ рублей, конечно, козломъ отпущенія оказались всѣ съ 58-ой статьей и лагерь за ненадобностью былъ расформированъ. А инвалидовъ по колѣно въ снѣгу погнали строевымъ порядкомъ обратно черезъ каналъ на 9-ый Египетскій шлюзъ, гдѣ тогда шли каторжныя работы по взрыву гранитнаго кряжа и земляного вала, длиною въ три версты, для соединенія канала съ озеромъ Выгъ, которое въ длину 80 верстъ, а въ ширину

отъ 1 до 20 верстъ. На этомъ шлюзѣ непрерывно работало около 40 тысячъ «враговъ народа». Оставшіеся нѣсколько человѣкъ въ живыхъ, говорили: во время работъ на этомъ шлюзѣ двѣ бригады по 25 человѣкъ каждая день и ночь зарывали трупы; норма на одного заключеннаго была такая: въ кубическій сажень вырыть яму, притащить на своихъ плечахъ 20 труповъ и зарыть ихъ. Причемъ были случаи, что ослабѣвшихъ, но еще живыхъ, просящихъ помощи, бросали въ общую яму. А тѣмъ не менѣе, ежедневные эшалоны, по распоряженію товарища Бермана-жида, пополняли порѣдѣвшіе за сутки ряды, для выполненія сталинской пятилѣтки — въ три года. Послѣ сравнительно небольшихъ лѣсныхъ лагерей, 9-ый шлюзъ, по количеству бараковъ, казался городомъ, но мертвымъ. Бараки старые, дырявые, наполненные снѣгомъ, только нѣсколько бревенчатыхъ для начальниковъ и охранниковъ, стоявшіе ближе къ каналу. Озеро Волъ соединялось съ Выгомъ, прилегало къ лагерю съ сѣвера, а за каналомъ виднѣлся высокій длинный валъ, огибавшій берегъ озера съ юга. На третій день на грузовикѣ пріѣхала комиссія, безъ чекиста, съ врачемъ, Надеждой Павловной Рябушинской, которую старые лагерники знали и при встрѣчѣ радостно привѣтствовали. Н. П. большинство пожилыхъ перевела въ категорію нетрудоспособныхъ, но совѣтская власть не терпѣла этого, къ веснѣ, безъ коммиссій, перевели въ трудоспособные всѣхъ. Батюшка хотя имѣлъ букву «в», но его заставили работать бухгалтеромъ на вещевомъ столѣ, а большинство гоняли въ земляной подвалъ выбирать гнилую картофель, съ условіемъ: сколько у кого при обыскѣ обнаружится картофелинъ, — столько лѣтъ, безъ суда, получитъ дополнительнаго заключенія. Однажды ослабѣвшій отъ ежедневнаго недоѣданія инженеръ путей сообщенія Андреевъ замѣтилъ, что охранники возлѣ своего барака откармливали себѣ кабана, которому послѣ обѣда и ужина выносили тазъ каши, голодный человѣкъ осторожно заходилъ въ хлѣвъ и изъ корыта въ карманы набиралъ каши (Лук. **15**, 16), но, какъ видно, охранники замѣтили это и на второй вечеръ такъ избили его, что онъ почью скончался; лицо его было свѣтлое, голубые глаза глядѣли въ небо. Утромъ начальство прислало «уркагана», который всунулъ умершаго головой въ мѣшокъ и унесъ зарыть его; такъ обычно въ лагерѣ хоронили. На слѣдующую ночь, «урки» набросили на голову москвичу Грачеву бушлатъ и хотѣли снять сапоги, но онъ поднялъ такой крикъ, что разбудилъ всѣхъ, и «урки» убѣжали. Зимой при 40° мороза пригнали изъ дѣтскаго лагеря 200 мальчиковъ въ баню. Въ банѣ у одного мальчика, получившаго на дняхъ отъ родныхъ теплыя вещи, украли ихъ. Охранникъ, ничтоже сумняся, выстроилъ всѣхъ и послалъ обратно. Бѣдный мальчикъ посинѣлъ и упалъ голый въ снѣгъ, охранникъ вмѣсто помощи, началъ его ругать и травить собакой, но она оказалась умнѣе жестокаго человѣка, не лаяла, не кусала, а лизала ноги и потомъ легла возлѣ него. Всѣ дѣти стояли на морозѣ въ лохмотьяхъ, пока не пришелъ лекпомъ, подтвердившій скоропостижную смерть мальчика, котораго такъ же зарыли, какъ и всѣхъ: безъ Христа, безъ креста и безъ горячихъ слезъ родимой матушки.

Однажды лѣтомъ на 9-омъ шлюзѣ появилось много военныхъ, заключенныхъ всѣхъ заперли въ баракахъ съ запрещеніемъ смотрѣть въ окна, при каждомъ баракѣ стоялъ часовой, по берегу патрулировали всадники. Всѣ недоумѣвали въ чемъ дѣло. Продержавъ безъ пищи и необходимой надобности цѣлый день, передъ вечеромъ сняли часовыхъ. Всѣ обратили вниманіе на озеро, по которому въ пяти верстахъ шли три бѣлыхъ парохода съ пальмами, фикусами и пулеметами на палубѣ. Впослѣдствіи говорили, что путешествовали совѣтскіе сановники: М. Горькій, Л. Когановичъ и М. Калининъ, съ усиленной охраной.

Затѣмъ состряпали стотысячную растрату, обвинили всѣхъ съ 58-ой статьей и расформировали лагерь, какъ ненужную Потемкинскую деревню, послѣ проѣзда красныхъ правителей.

Въ это время Повѣнецкое отдѣленіе ББК молодыхъ заключенныхъ отправило на Колыму и Забайкалье, а на ихъ мѣсто на работу въ отдѣленіе переводили стариковъ, тогда же и батюшку перевели на 1-ый лагпунктъ, при 1-мъ шлюзѣ помѣстили въ техническомъ баракѣ, въ которомъ батюшка вторично встрѣтился съ владыкой Варсанофіемъ и о. Леонидомъ. На работу насъ всѣхъ 150 человѣкъ ежедневно гоняли подъ конвоемъ черезъ каналъ за три версты въ Повѣнецъ. Владыка Варсонофій работалъ бухгалтеромъ по снабженію, батюшка — въ санчасти по учету медицинскихъ и санитарныхъ предметовъ, а о. Леонидъ — въ аптекѣ, которой завѣдывалъ съ 10-лѣтнимъ срокомъ московскій фармацевтъ Н. Н. Боткинъ.

Городъ Повѣнецъ Олонецкой губерніи послѣ революціи былъ превращенъ въ лагерь, лучшіе дома были заняты чекистами и учрежденіями ОГПУ. На всѣхъ тяжелыхъ работахъ и на пристани копошились, какъ муравьи, заключенные; мѣстныхъ жителей осталось не болѣе десяти семей. Изъ 8 храмовъ и монастыря осталась одна церковь на берегу Онѣжскаго озера, окруженная елями и березами, построенная при Борисѣ Годуновѣ, о чемъ свидѣтельствовалъ святый антиминсъ. До 1930 г. церковь была открыта по просьбѣ хозяйки, у которой жилъ до 1917 года М. Калининъ, а во время раскулачиванія и наплыва чекистовъ и заключенныхъ была закрыта, а священникъ сосланъ въ Архангельскую губернію. Передъ Пасхой владыка получилъ отъ своихъ знакомыхъ изъ Москвы посылку, въ которой въ засушенныхъ просфоркахъ были обнаружены 3 частицы Св. Даровъ, о чемъ онъ былъ предупрежденъ письмомъ. Этимъ Божественнымъ Даромъ владыка подѣлился съ батюшкой. Въ ночь Воскресенія Христова, когда всѣ спали, какъ стража при гробѣ, они вышли изъ барака, какъ изъ преисподней на свѣтъ Божій, обративъ свои взоры на востокъ къ небу, освѣщенному звѣздами и серповидною луной, тихо запѣли: «Воскресеніе Твое Христе Спасе...», «Христосъ воскресе....», ирмосы и другія пѣснопѣнія; послѣ «Отче нашъ», «Вѣрую Господи и исповѣдую...» — причастились Св. Таинъ. И такъ Воскресшій Христосъ утѣшилъ узниковъ въ «Сей нареченный и святый день...».

Архимандритъ Серафимъ (Вербинъ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Чему насъ учитъ народная мудрость?

Кого чѣмъ Богъ поищетъ — вознесетъ.
Богъ полюбитъ, такъ не погубитъ.
Твори Богъ волю Свою!
Благослови ,Богъ, починъ! (Въ прежнія времена люди на всякое доброе дѣло брали у Господа благословеніе).
Божья помочь на все хороша.
Какъ ни толкуй, а Богъ всѣхъ больше.
Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ.
Счастливому таланъ (талантъ), отъ Бога данъ.
Иному Богъ далъ, иному показалъ.
Богу молись, а добра ума держись.
Каждый о себѣ, а Богъ обо всѣхъ.
Всѣ мы растемъ подъ краснымъ солнышкомъ, на Божьей росѣ.
На долю всякаго Богъ зарождаетъ.
Богъ пристаней на всѣхъ достанетъ.
Говори: Господи подай, а самъ руками доставай.
Не ходи ворожиться (т. е. не ходи къ гадалкамъ), ходи Богу молиться.
Какъ Богъ на сердце положитъ — такъ и дѣлай.
Что Богъ ни дастъ: либо выручитъ, либо выучитъ.
Чего Богъ не далъ, того за деньги не купишь.
Милостивъ Богъ и я, по Его милости, неубогъ.
Все на свѣтѣ творится благостію Божіею (доброе) да глупостію человѣческою (худое).
Отъ всякой печали Богъ избавляетъ.
Не плачься: Богъ лучше полюбитъ.
Куда иного конь везетъ, туда бѣдняка Богъ несетъ.
Богъ пути кажетъ.
Нужный путь Богъ правитъ.
Божіей воли не переволишь!
Силой у Бога не возьмешь!
Съ Богомъ не поспоришь.
Не все ненастье: Богъ дастъ и солнышко.
Не противься Богу, неси свой крестъ!
Какъ ни живи, а Бога не гнѣви!
Передки (то что будетъ впереди) — у Бога въ рукахъ.
Плохо молиться, какъ на умѣ двоится.
Сидя не крестятся.
Святой счетъ — троица.
Три перста крестъ кладутъ.
Безъ Троицы домъ не строится.
Богъ любитъ троицу.
Воскресный день не нашъ, а Господень.
Церковное достояніе — убогихъ богатство.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе преп. отца нашего Варлаама Хутынскаго Новгородскаго чудотворца.

Память 6-го ноября.

Преподобный Варлаамъ родился въ Новгородѣ въ богатой семьѣ. Его звали до монашества Алексѣемъ. Этотъ избранникъ Божій съ ранняго дѣтства отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей, любящихъ пошалить, поиграть. Онъ былъ серьезнымъ, задумчивымъ ребенкомъ. Когда онъ выучился грамотѣ, то сейчасъ же принялся за чтеніе священныхъ книгъ. Въ то время дѣтей учили по часослову, по псалтири, научали многимъ молитвамъ. Отрокъ Алексѣй сталъ поститься и усердно молиться. Съ радостію посѣщалъ онъ храмы Божіи, которыхъ въ то время въ Новгородѣ было очень много. Родители Алексѣя были люди богобоязненные. Принимали они у себя странниковъ. Однажды въ ихъ домъ зашелъ инокъ Порфирій. Онъ обратилъ вниманіе на тихаго, кроткаго Алексѣя, поговорилъ съ нимъ о монашеской жизни, и маленькому святому самому захотѣлось уйти въ монастырь.

Послѣ смерти отца и матери онъ исполнилъ свое пламенное желаніе и ушелъ въ Лисичій монастырь, гдѣ были погребены его родители. Онъ былъ тамъ постриженъ и получилъ имя — Варлаамъ.

Строго подвизался святой, усердно исполнялъ всѣ послушанія. Смиреннымъ, кроткимъ ко всѣмъ былъ новый подвижникъ. Но Господь призывалъ его къ уединенной жизни. Св. Варлаамъ выбралъ себѣ безлюдное мѣсто въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Ему очень полюбился одинъ холмъ въ лѣсу, на берегу рѣки Волхова. Это красивое пустынное мѣсто народъ называлъ: «Хутынь» — т. е. Худое мѣсто, потому что тамъ угнѣздилась нечистая сила. Но юный подвижникъ своею пламенною молитвою и смиреніемъ прогналъ съ Хутыни силу бѣсовскую. Онъ на холмѣ сколотилъ себѣ келлію-избушку и сталъ день и ночь молиться Богу.

Скрывался отъ людей св. Варлаамъ, но слава о его великихъ подвигахъ прошла въ народѣ. Божіи люди стали посѣщать отшельника. Нѣкоторые поселились возлѣ него, желая научиться монашеской строгой жизни отъ святого Варлаама. Когда собралось довольно много монаховъ, св. Варлаамъ позаботился, чтобы выстроенъ былъ небольшой деревянный храмъ въ честь Преображенія Господня. Вокругъ храма монахи настроили келлій. И такъ выросла новая св. обитель. Игуменомъ монастыря былъ избранъ св. Варлаамъ.

Онъ былъ и строгъ и добръ. Святой подвижникъ очень любилъ странниковъ, принималъ ихъ въ своей обители и всячески покоилъ бѣдныхъ, бездомныхъ людей. Щедро давалъ милостыню нищимъ, которые во множествѣ приходили въ обитель за подаяніемъ. Св. Варлаамъ написалъ для своей обители уставъ, въ которомъ приказывалъ кормить, одѣлять деньгами бѣдныхъ людей и покоить странниковъ и дѣлать какъ можно больше добра людямъ. Великій святой имѣлъ даръ прозрѣнія, т. е. видѣлъ душевными очами, что въ человѣкѣ — какова его душа. Однажды шелъ онъ въ Новгородъ къ Владыкѣ. Онъ увидѣлъ, что гнѣвная народная толпа собирается бросить въ рѣку Волховъ одного преступника. Преподобный взглянулъ на несчастнаго осужденнаго на смерть человѣка и понялъ, что преступникъ можетъ свой грѣхъ загладить покаяніемъ. Онъ подошелъ къ разъяренной толпѣ и властно сказалъ: «Онъ загладитъ свои вины въ Хутыни — отдайте мнѣ его». И толпа послушалась своего любимаго святого. Преподобный увелъ въ свой монастырь преговореннаго къ смерти, и бывшій преступникъ совершенно исправилъ свою жизнь. Подъ руководствомъ своего избавителя онъ сдѣлался благочестивымъ, богобоязненнымъ человѣкомъ.

Другой же разъ святой, проходя по мосту черезъ рѣку Волховъ, опять увидѣлъ толпу, которая другого преступника собиралась бросить въ воду. На этотъ разъ онъ не помѣшалъ имъ. Нѣкоторые добрые люди, жалѣя несчастнаго, стали просить свя-

того, чтобы онъ спасъ бѣдняка. Но преп. Варлаамъ молча прошелъ дальше. «Почему ты одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать той же милости?» — съ удивленіемъ спросили святого его ученики. Блаженный объяснилъ имъ, что первый былъ дѣйствительно преступникомъ и ему грозила смерть, когда онъ оставался не раскаяннымъ. Теперь же онъ покаялся въ своихъ великихъ грѣхахъ, и Милосердный Господь простилъ его. Онъ такъ спасъ свою душу. Второй же страдалъ невинно и получалъ вѣнецъ мученическій: потому, если бы онъ вмѣшался и освободилъ его отъ злобной толпы, то онъ помѣшалъ бы ему войти въ Небесное Царство, на вѣчное блаженство.

Князь Ярославъ прибылъ въ монастырь св. Варлаама. Преподобный встрѣтилъ его радостнымъ восклицаніемъ: «Будь здоровъ, добрый князь съ сыномъ твоимъ!». Князь удивился, т. к. не зналъ, что во время его отсутствія у него родился наслѣдникъ. Когда онъ вернулся домой, то его поздравили съ новорожденнымъ младенцемъ.

Однажды блаженный былъ у архіепископа, который, послѣ бесѣды со св. Варлаамомъ, попросилъ его, чтобы онъ черезъ недѣлю снова побывалъ у него. «Если Господу угодно — отвѣтилъ прозорливецъ, — то я пріѣду къ твоей святынѣ на саняхъ въ пятницу первой недѣли Поста святыхъ Апостоловъ» (т. е. Петровскимъ постомъ). Удивился святитель такому отвѣту, но, зная о святости св. Варлаама, не рѣшился просить у него объясненія, какимъ это образомъ онъ собирается жаркимъ лѣтомъ ѣхать на саняхъ. И что же? Въ ночь подъ пятницу первой недѣли Петровскаго Поста выпалъ глубокій снѣгъ и ударилъ крѣпкій морозъ, словно среди лютой зимы. И св. Варлаамъ, какъ и обѣщалъ, пріѣхалъ къ Владыкѣ на саняхъ по снѣгу среди лѣта, въ іюнѣ мѣсяцѣ! Архіепископъ очень скорбѣлъ ,что замерзнутъ нивы и наступитъ голодъ. Но св. Варлаамъ утѣшилъ архіепископа, говоря: «Не скорби святый Владыко! Надобно благодарить Господа за Его милость — вѣдь морозъ-то истребилъ червей, которые погубили бы хлѣбъ на корню, а снѣгъ только напоитъ жаждущую землю».

И дѣйствительно на слѣдующій день взошло жаркое солнышко. Снѣгъ очень скоро растаялъ, напоивъ сухую землю, а при корняхъ ржи были найдены замерзшіе черви. Господь этимъ чудомъ спасъ людей отъ голода и послалъ небывалый урожай.

Въ память этого событія во времена Святой Руси изъ Новгорода каждый годъ шелъ крестный ходъ въ Хутынскій монастырь въ пятницу первой недѣли Петровскаго Поста.

Въ послѣдній годъ своей земной жизни преп. Варлаамъ выстроилъ въ своей обители чудный каменный храмъ. Блаженный

чувствовалъ свою близкую кончину и заповѣдалъ, чтобы послѣ его смерти игуменомъ обители былъ поставленъ его ученикъ Антоній. Тихо, блаженно отошелъ св. Варлаамъ ко Господу 6-го ноября 1132 года. Особенно стала прославлять Русь Святая блаженнаго, когда въ Москвѣ въ 1461 году, т. е. ровно 500 лѣтъ тому назадъ, былъ водвигнутъ храмъ въ честь этого пустынника. А въ Новгородѣ въ 1410 году воздвигли ему церковь. Мощи святого были нетлѣнны. Его святое тѣло видѣлъ архіеп. Евѳимій (1429-58). Но не было воли Божіей открыть его гробъ для поклоненія и рака его оставалась закрытой.

Въ 1471 году великій князь Іоаннъ III посѣтилъ Хутынскій монастырь, чтобы поклониться преподобному. Князь спросилъ игумена: почему до сихъ поръ не открываютъ святыхъ мощей преп. Варлаама? Ему объяснилъ игуменъ, что на это еще не было воли Божіей. Великій князь все же приказалъ поднять каменную доску и копать землю, чтобы вынуть гробъ св. Варлаама. Повелѣніе князя было исполнено; но какъ только вынули изъ земли гробъ — мгновенно изъ него вырвался дымъ, а за нимъ высоко поднялось пламя и опалило стѣны. Тутъ только великій князь понялъ, что нельзя безъ воли Божіей открывать мощей св. Варлаама. Онъ въ ужасѣ убѣжалъ изъ храма, уронивъ свой посохъ, который въ царской Россіи такъ и хранился въ Хутынской обители.

Преп. Варлаамъ былъ великимъ молитвенникомъ о Новгородѣ, заступникомъ о немъ предъ престоломъ Божіимъ.

Въ 1505 году гнѣвъ Божій долженъ былъ пролиться на Новгородъ за великіе грѣхи его жителей. Въ этомъ году одному иноку обители св. Варлаама было дивное видѣніе. Инокъ Тарасій приготовлялъ ночью въ монастырскомъ храмѣ свѣчи для утренняго служенія. Вдругъ сами собою въ церкви зажглись свѣчи. Весь храмъ наполнился благоуханіемъ ѳиміама. Къ священному ужасу инока изъ гроба вышелъ самъ преп. Варлаамъ, сталъ посреди церкви и громко началъ молиться, чтобы Милосердный Господь простилъ грѣхи жителей Новгорода и спасъ ихъ отъ гибели. Въ страхѣ палъ ницъ инокъ Тарасій. Преподобный подошелъ къ нему, ласково его поднялъ и сказалъ: «Не бойся, Тарасій! Я хочу открыть тебѣ горе, имѣющее постигнуть Новгородъ, неправды котораго вопіютъ къ небу. Ступай взойди на церковную кровлю и посмотри, что дѣлается въ Новгородѣ». Тарасій быстро поднялся на крышу и видитъ: поднимаются воды озера Ильменя наступаютъ на городъ и готовы, вотъ-вотъ, затопить его. Инокъ Тарасій вернулся къ преподобному и, трепеща отъ страха, повѣдалъ ему, какая страшная опасность грозитъ Новгороду.

Сталъ св. Варлаамъ еще горячѣе, со слезами, молиться о спасеніи города. Потомъ опять послалъ инока посмотрѣть съ кровли на озеро, выходящее изъ своихъ береговъ. И увидѣлъ инокъ, что озеро стало на свое прежнее мѣсто, но надъ городомъ летало множество грозныхъ Божіихъ ангеловъ, которые метали огненныя стрѣлы на толпы его жителей. Стрѣлы пронзали мущинъ, женщинъ и даже дѣтей. И снова спѣшитъ инокъ Тарасій къ преподобному и сообщаетъ ему о страшномъ видѣніи грозныхъ ангеловъ, поражающихъ людей стрѣлами. И опять слезно сталъ молиться угодникъ Божій, а послѣ долгаго моленія говоритъ иноку: «Молитвами Богородицы и святыхъ, Новгородъ избавленъ отъ потопленія, но въ немъ сильный моръ на людей». И опять преподобный посылаетъ икона на кровлю. И видитъ братъ Тарасій: на Новгородъ наступаетъ огненная туча. Спѣшитъ инокъ къ святому и разсказываетъ о видѣнномъ. «Послѣ мора будетъ пожаръ въ Новгородѣ и вся Торговая его сторона сгоритъ». Такъ сказалъ преподобный и легъ въ свой гробъ. Свѣчи мгновенно погасли. Наступилъ въ храмѣ мракъ. Предсказанія св. Варлаама сбылись. Черезъ четыре года Божіе наказаніе постигло Новгородъ. Въ 1509 году былъ тамъ страшный моръ на людей, а послѣ него пожаръ, уничтожившій всю Торговую сторону.

Великаго святого чтила вся Святая Русь. Храмы во имя его возвышались по всей нашей необъятной Матушкѣ Россіи.

Въ Хутынскомъ монастырѣ нетлѣнныя мощи преп. Варлаама почивали подъ спудомъ въ аркѣ между соборною церковью и южнымъ Покровскимъ придѣломъ въ богатой серебряной ракѣ, подлѣ которой были повѣшены тяжелыя вериги преподобнаго.

Послѣ этого великаго святого остался восьмиконечный крестъ, фелонь, подризникъ, епитрахиль, поручи, власяница вѣсомъ въ 18 ф. Всѣ облаченія его отличаются необыкновенными размѣрами, которые свидѣтельствуютъ, что св. подвижникъ отличался могучимъ тѣлосложеніемъ — богатырскимъ. Въ ризницѣ была трость Великаго князя Іоанна III, оставшаяся послѣ неудачной попытки его открыть мощи. Сохранилась южная дверь прежняго иконостаса, опаленная тогда пламенемъ. Библіотека монастырская была богата древними рукописями. На монастырскомъ кладбищѣ схороненъ великій нашъ поэтъ Г. Р. Державинъ, отличавшійся набожностью. Въ монастырскомъ саду показывали мѣсто келліи преп. Варлаама.

М. В.

УРОКИ ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ

для лицъ, желающихъ принять священство.

Протопр. В. Бощановскаго.

(Продолженіе.)

Третье. Развращенныхъ исправлять — это третій видъ учительства пастыря. Опять дѣло не легкое. Требуется не только осторожность, но и своего рода прозорливость, какъ и отъ врача: иначе надо обращаться съ больными, чѣмъ со здоровыми. "Начинать дѣло надо приватно и уединенно", особенно если развращенное житіе и беззаконіе не пришло еще въ явленіе церкви. Если же приватныя увѣщанія окажутся безполезными, не приводятъ къ цѣли, а беззаконіе уже многимъ явственно, или же вообще многіе такимъ грѣхомъ болѣзнуютъ, въ такомъ случаѣ, сохраняя пропорцію между раною и лекарствомъ, явно и обще слѣдуетъ врачевать. "Однако, и здѣсь не лицо согрѣшающихъ нужно обнажать, но мерзость и смрадъ и опасность раны врачуемой представлять. Здѣсь нужно обращать вниманіе и на то, какіе приходится лечить грѣхи — вольные или невольные, по разуму бывшіе, или по невѣжеству, указывая, что тяжесть перваго — вольнаго, по разуму — влечетъ грѣшника просто на дно адово. И что грѣхъ вольный, возрастая, вооружаетъ противъ Святаго Духа и можетъ стать непростительнымъ. Необходимо также изъяснить грѣшнику силу грѣха и его власть надъ грѣшникомъ и трудность освобожденія отъ него. Нужно также показать грѣшнику и о связи одного грѣха съ другимъ и скорое поползновеніе одного беззаконія въ другое. Призывая грѣшника къ исправленію, надо показать ему всю силу гнѣва Божія и загробныхъ мукъ. Но чтобы не довести грѣшника до отчаянія, нужно показать ему безграничное милосердіе Отца Небеснаго, готоваго простить человѣку всякое преступленіе, если съ его стороны послѣдуетъ искреннее покаяніе и обращеніе къ Богу. Въ дѣлѣ исправленія развращенныхъ пастырь долженъ быть особенно ревностнымъ. "Возопій крѣпостію и не пощади, яко трубу возвыси гласъ твой и возвѣсти людямъ Моимъ беззаконія ихъ" (Ис. V, 1). "Если же пастырь здѣ станетъ сквозь зубы говорить, а что больше — и потакать будетъ... (Іез. XIII, 1-18) или только на худородныхъ и убогихъ гремѣть будетъ, а богатыхъ и благородныхъ ласкать и безъ надлежащаго духовнаго наказанія оставлять: такой пастырь не врачъ овцамъ своимъ есть, но убійца". Но и тутъ пастырю нужно съ кротостію духа и терпѣ-

ніемъ растворять увѣщаніе: возливать не одно вино на раны, но и елей. Иначе пастырь не сможетъ, — если имѣетъ дѣйствительно "утробу отеческую и материнскую", какъ и должно быть, — надъ согрѣшающими, по примѣру Апостола Павла, болѣть и раны ихъ слезами, не только въ церкви, но и въ ложницѣ, тому же Апостолу и древнимъ истиннымъ пастырямъ послѣдуя, омывать". Увѣщаніе беззаконниковъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока они не обратятся, какъ и врачъ не покидаетъ больного до излеченія.

Направлять вѣрующихъ къ добродѣтельной жизни — четвертая обязанность пастыря-учителя. Здѣсь пастырь прежде всего долженъ показать вѣрующимъ, что "вѣра безъ дѣлъ мертва есть". Она непріятна Богу, она легко и скоро угасаетъ. "Что пользы, братія моя, говоритъ Апостолъ Іаковъ, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто-нибудь изъ насъ скажетъ имъ: "Идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь", но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ — мертва сама по себѣ" (Іак. II, 14-17).

Второе: нужно изъяснить вѣрующимъ, что христіанская добродѣтель отличается не только отъ лицемѣрной, но и отъ философской, или гражданской, которыя имѣютъ предметомъ своимъ не славу Божію, а естественную пользу. Корнемъ же христіанской добродѣтели является любовь къ Богу и Его славѣ, и всѣ христіанскія добродѣтели такъ тѣсно связаныъ, что тронувшій одну добродѣтель терзаетъ весь союзъ ихъ. Кто соблюдаетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ-нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ. Ибо Тотъ, Кто сказалъ не прелюбодѣйствуй, сказалъ и "не убій"; посему, если ты не прелюбодѣйствуешь, но убьешь, то ты также преступникъ закона" (Іак. II, 10-11). И наконецъ, нужно укрѣпить въ сердцѣ вѣрующихъ мысль, что путь ведущій къ небу — тѣсенъ и тернистъ, врата, ведущія въ животъ вѣчный — узки (Мѳ. VII, 13-14).

Утѣшеніе скорбящихъ — пятая обязанность пастыря-учителя. Скорби бываютъ различныя. Не одинаковы бываютъ по своему настроенію и скорбящіе. Одни плачутъ и скорбятъ о грѣхахъ своихъ и, чувствуя всю тяжесть грѣховъ, отчаиваются въ помилованіи Божіемъ. Другіе, живя безпечно, терпятъ искушенія отъ плоти, міра и діавола. Чтобы утѣшить первыхъ, нужно уяснить имъ, что скорби, постигающія насъ за грѣхи наши, суть огнь, пробуждающій нашу совѣсть и очищающій отъ всякія скверны нашу душу и сердце. За нихъ нужно только благодарить Бога, ибо, перенося эти скорби съ терпѣніемъ и покорностью волѣ Божіей, мы освобождаемся отъ плѣна грѣховнаго; нужно уяснить имъ ту мысль, что нѣтъ грѣха, который могъ бы превозмочь милосердіе Божіе, если только

со стороны человѣка грѣшника послѣдуетъ искреннее покаяніе. Нужно укоренить въ ихъ сердцѣ ту истину, что Богъ есть не только нашъ Судія, но и безгранично любящій насъ Отецъ, Который никому не желаетъ гибели, но желаетъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. "Не хощеши бо, Владыко, созданія Твоею руку погубити, ниже благоволиши о погибели человѣчестей: но хощеши всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити", читаемъ въ одной изъ молитвъ Василія Великаго передъ причастіемъ.

Тѣмъ же, кто живя благочестно, терпятъ скорби отъ плоти, міра и діавола, нужно напомнить слова Апостола: "Да и всѣ желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы". Такъ и должно быть, ибо всѣ, благочестиво желающіе жить, люди не отъ міра сего, и какъ таковыхъ, міръ ихъ не любитъ, ибо весь міръ во злѣ лежитъ; къ сожалѣнію, грѣху причастна и наша плоть. Діаволъ же есть исконный врагъ человѣческаго рода, есть лжецъ и древній человѣкоубійца. Значитъ, ждать отъ плоти, міра и діавола чего нибудь добраго намъ, послѣдователямъ Христа, не приходится. Напротивъ, постоянная, непримиримая борьба съ похотью, міромъ, во злѣ лежащимъ, и діаволомъ, есть нашъ священный долгъ. Въ этомъ и состоитъ нашъ крестъ, о которомъ сказалъ намъ нашъ Христосъ Спаситель: "Кто хочетъ за Мной итти, пусть отвергнется себя, возьметъ крестъ свой и слѣдуетъ за Мной". Поэтому Христосъ заранѣе предупредилъ Своихъ послѣдователей: "Въ мірѣ скорбни будете, но мужайтесь — Я побѣдилъ міръ".

Такимъ образомъ, страданія и гоненія не должны смущать истинныхъ христіанъ, лишь бы только христіане не подавали причины къ гоненію и поступали во всемъ непорочно. "Кая бо похвала, — говоритъ Апостолъ Петръ, — аще согрѣшающе мученія терпите: но аще добро творяще и страждуще терпите, сіе угодно предъ Богомъ". Такимъ образомъ, страждуще, христіане пріобщаются Христовымъ страстямъ и прославляютъ Бога въ части сей. Терпящихъ же отъ своей похоти, пастырь долженъ непремѣнно, не просто утѣшать, но и увѣщевать, "дабы похоть оную злую за малое не имѣли, но смирялися предъ Богомъ..., и старались родительницу оную искушеній, умерщвлять въ самомъ ея зачатіи".

Таковы различные виды пастырскаго учительства. Общій же характеръ пастырскаго учительства состоитъ въ томъ, чтобы каждымъ своимъ поученіемъ пастырь приводилъ своихъ пасомыхъ къ единому источнику всѣхъ благъ — Христу. Христосъ есть намъ отъ Бога — премудрость, правда, освященіе, избавленіе. Въ знаніи Христа — жизнь вѣчная, и пастырь долженъ стараться ко Христу приводить своихъ овецъ всѣми средствами. "При всякомъ ученіи, научаетъ ли вѣрѣ святой, либо святому житію, исправляетъ ли заблуждающаго, или утѣшаетъ скорбящаго и возстановляетъ падшаго, долженъ, по приличію обстоятельствъ, иногда

— представлять, что Христосъ есть Сынъ Божій, есть Свѣтъ міру, и ходяй въ Немъ не имать ходити во тьмѣ, иногда — что Христосъ есть Пастырь Добрый, душу Свою положившій за овцы, есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, есть Путь, Истина, и Животъ, есть Дверь, есть Воскресеніе, есть Судія страшный и комуждо воздастъ по дѣломъ его, не вѣдущимъ Бога и не послушающимъ благовѣствованія Евангельскаго отмститъ во огнѣ пламеннѣ... Все бо въ разсужденіи вѣры святыя и вѣчнаго блаженства пишимое, или сказываемое, когда не основано на вѣрѣ во Христа, есть безплодно и не спасительно".

Гдѣ же и когда долженъ учить пастырь?. "Книга" отвѣчаетъ: "Пастырь не долженъ думать, что только въ церкви мѣсто для его слова, да и то, только въ праздничные и недѣльные дни. Нѣтъ, по примѣру Апостола Павла, онъ долженъ учить и въ церкви и по домамъ и вообще всѣхъ и каждаго, благовременно и безвременно, день и ночь. "Должны пресвитеры, когда домы прихожанъ посѣщаютъ, пристойнымъ образомъ испытывать, аще по Бозѣ живутъ, аще званію своему всякъ: супружескому — супруги, отеческому — родители, сыновнему — дѣти, господскому — господіе и хозяева, рабскому — слуги и наемники довлетворяютъ, и если не такъ явится, то всякій чинъ и всякую въ немъ душу, смотря по обстоятельствамъ, подобающимъ образомъ исправить. И Златоустъ учитъ: "За всѣхъ, которые попеченію твоему ввѣрены суть, за женъ, мужей и дѣтей ты, іерей, даси слово".

"По сей причинѣ, заповѣдуетъ "Книга", — и во всякихъ домовыхъ собраніяхъ, въ коихъ пресвитеру бывать случается, какъ-то: при поминовеніяхъ, при елеосвященіи и просто при посѣщеніи больного, а паче при исповѣди и пріобщеніи Святыми Тайнами и въ другихъ подобныхъ тому случаяхъ, не упуститъ тщательный пресвитеръ, чтобы тамъ полезныхъ какъ больному, такъ и собранію приличныхъ поученій и бесѣдъ не сдѣлать, чѣмъ и домъ тотъ сдѣлаетъ церковью и, предложивъ пищу духовную больному и собранію оному, не будетъ въ числѣ тѣхъ окаянныхъ пастырей, о которыхъ Апостолъ Іуда, аки перстомъ указуя на таковыхъ писалъ: "Сіи суть въ любвахъ на обѣдахъ вашихъ скверниители, съ вами ядуще и безъ боязни себе пасущи, облаци безводни, древеса есенна, безплодна".

Имѣя въ виду всѣ обязанности пастыря-учителя, "Книга" естественно зоветъ священниковъ къ прилежному изученію Слова Божія, чтобы быть обильными въ словѣ и разумѣ. Каждый пресвитеръ и діаконъ, готовящійся къ священству, долженъ прилежно углубляться въ Священномъ Писаніи, взывая съ Давидомъ: "Вразуми мя и испытаю законъ Твой, открой очи мои и уразумѣю". Также долженъ онъ изучать правила святыхъ отцевъ, не оставлять и исторію церковную и гражданскую, но упражняться въ нихъ порядочно, а равно пріобрѣтать и другія, необходимыя

для пастыря, знанія. А ежели кто не таковъ есть, то оному и на степень священства восходить желать не должно. Надо взять за правило то, что Господь говорилъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ: "Вонми себѣ и снабди душу твою зѣло и не забуди всѣхъ словесъ, и да не отступятъ отъ сердца твоего вся дни живота твоего, и да наставиши сыны твоя и сыны сыновъ твоихъ" (Втор. IV, 9). Нерадиваго же Господь отвергаетъ: "Понеже ты ученіе Мое отвергъ еси, еже не священствовати Мнѣ, и забылъ еси Бога своего, забуду и Азъ чада твоя" (Ос. IV, 6). Примѣромъ же пастырю во всемъ дѣлѣ его учительства долженъ быть Апостолъ Павелъ.

Учительство пастыря должно выражаться не только въ словѣ, но и въ дѣлѣ. "Не любимъ словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною" (I Ін. III, 18). Это значитъ: кто научаетъ добродѣтели словами, тотъ долженъ поступать согласно своему слову. Иначе можетъ подвергнуться осужденію: "Врачу, исцѣлися самъ". Пастырь долженъ вести себя такъ, чтобы могъ сказать словами Спасителя: "Кто отъ васъ обличитъ Мя о грѣсѣ?" (Ін. VIII, 4-6). Какъ и Златоустъ учитъ: "Великое есть учителю дерзновеніе, когда отъ дѣлъ своихъ благихъ можетъ наказывать учениковъ, для чего и Павелъ глаголаше: сами бо вѣстѣ, како лѣпо есть вамъ подобитися намъ; и много паче долженъ быти учитель отъ житія, нежели отъ слова". Пастырь долженъ не только звать овецъ, но и примѣромъ ходить предъ ними. Этому и учитъ Апостолъ Павелъ Тимоѳея и Тита. О Самомъ же Пастыреначальникѣ такъ говоритъ "Книга Дѣяній": "Начатъ Іисусъ творити и учити", а Апостолъ же Павелъ, сообразуясь Христу, зоветъ къ подражанію себѣ и Христу. "Для сего всяко, о іерее, внимай себѣ и подвизайся имѣть Христоподобное житіе, чтобы могъ съ Павломъ говорить: "подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу". По слову Златоуста, пастырь долженъ быть "Аки законъ одушевленъ, аки уставъ и правило добраго житія".

Апостолъ Павелъ въ своемъ первомъ посланіи къ Тимоѳею, перечисляетъ качества, которыми долженъ отличаться добрый пастырь (Тим. III, 2, ср. Тит. I, 5-9). Лучшимъ восполненіемъ образа духовнаго пастыря является наставленіе св. Тихона Задонскаго о должности пастыря. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ нашъ великій учитель:

"Самое имя — пастырь — показываетъ, каковы должны быть они: ибо пасутъ не скотъ безсловесный, но овцы Христовы словесныя — людей, по образу Божію состворенныхъ и кровію Христа Сына Божія искупленныхъ. Внимай убо себѣ возлюбленный пастырь!

1) Сана, или чести сія не долженъ ты проискивать, но званія ожидать.

2) Когда зовешися, разсуждай себе, можеши ли толикое бремя поднять и носить? Когда не можешь, не касайся того, да не отяготитъ тебя и не погрузитъ въ бездну. Надо тому исправить себе, кто хощетъ другихъ

исправлять; надо прежде научить себе, кто хощетъ другихъ учить; надо быть осторожнымъ самому, кто хощетъ другихъ пасти и спасти. Надо быть добрымъ самому, кто хощетъ другихъ стрещи и сохранять. Надо самому итти напередъ, кто хощетъ вождемъ быть и путь другимъ показывать и вести ихъ къ отечеству; надо быть свѣтомъ міра, которымъ вси просвѣщаются, солію земли и проч. Надобно прежде самому чистымъ и непорочнымъ быть, кто хощетъ и другихъ быть молитвенникомъ къ Богу. Надобно, дабы самого совѣсть не обличили, кто хощетъ другихъ за грѣхи обличать, да не услышишь: врачу, исцѣлися самъ. Разсуждай сія, возлюбленне, и тягчайшаго силъ твоихъ бремени не касайся.

3) Пастырь долженъ людей учить неотмѣнно, къ истинному покаянію приводить, страхъ Божій и любовь въ сердцахъ человѣческихъ насаждать. Безстрашныхъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ судомъ Божіимъ устрашать, смущаемыхъ и сомнящихся и къ отчаянію склонныхъ милостію Божіей и Евангельскимъ утѣшеніемъ ободрять, суевѣріе и расколы и ереси искоренять. Все то ученіе отъ источникъ израилевыхъ — священныхъ книгъ Слова Божія почерпать и подавать людямъ себѣ подчиненнымъ.

4) Мѣсто ученій — есть храмъ святый: однако жъ пастырь вездѣ, гдѣ ни бываетъ собраніе, можетъ и долженъ ученіе преподавать, когда случай будетъ. Въ семъ дѣлѣ есть примѣръ всѣмъ пастырямъ — Христосъ, Спаситель міра, Который не только въ храмѣ Соломоновомъ училъ, но и въ домѣхъ, и въ пустынѣ и въ прочихъ мѣстахъ. Случай подаетъ пастырю тщательному и остроумному, что и гдѣ говорить, какъ сіе видимъ и во Евангеліи. За трапезою сидя, можно о трапезѣ Царствія Небеснаго говорить.

5) Что имѣешь говорить людямъ, тое должно прежде довольно разсудить и добре разумѣть и тако людямъ предлагать. Пища прежде варится и солію растворяется и тако на трапезѣ представляется и угодна и полезна бываетъ ядущимъ: тако пастырю пищу Божія Слова прежде внутрь сердца своего сварить и солію разума растворить и тако алчущимъ людямъ трапезу духовную представлять; иначе пастырь удобно можетъ въ словѣ погрѣшить.

6) Понеже двоякіи люди суть, безстрашно живущіи и страхомъ суда Божія сокрушенніи и алчущіи утѣшенія, то пастырь долгъ имѣетъ въ своемъ словѣ законъ Божій и судъ Божій на безстрашныхъ предлагать и тѣмъ ихъ къ истинному покаянію и сокрушенію приводить; сокрушеннымъ же и печальнымъ и смущеннымъ въ совѣсти Евангельское утѣшеніе подавать: "Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ миръ грѣшники спасти". (I Тим. I, 1).

7) Слово обличительное иначе говорится вообще, иначе къ единому нѣкоему лицу. Когда вообще говорится, то можно строже и острѣе гово-

рить, дабы слышащіе грѣшники почувствовали ударъ страха въ сердцахъ своихъ и тако бы отъ сна грѣховнаго пробудились: сіе видимъ въ пророческихъ и Апостольскихъ писаніяхъ. Но когда къ одному какому человѣку хощеши обличительное слово говорить и за извѣстный тебѣ и ему грѣхъ, въ такомъ случаѣ опасно говорить, да (чтобы), хотя едину язву исцѣлить, не болѣ уязвишь, времени и случая тому ищи. Нѣтъ лучшаго случая, какъ когда онъ самъ свой грѣхъ исповѣдуетъ тебѣ: тогда ты все можешь ему говорить, только ласково говори и съ сожалѣніемъ, а не съ гнѣвомъ, дабы онъ позналъ, что ты отъ любви говоришь, искренно желаешь ему спастись.

8) Когда люди, какіе бы они ни были, беззаконнуютъ и ты извѣстно знаешь, крайне берегись молчать, но вездѣ беззаконіе ихъ въ словѣ своемъ сбличай, да не уподобишься псу нѣмому, который не лаетъ, хотя тати находятъ на домъ и расхищаютъ его, и волки нападаютъ на стадо и поражаютъ тое. Стани здѣ, возлюбленне, и показуй пастырское дѣло свое, хотя бы слѣдовало бы тебѣ пострадать: въ семъ дѣлѣ имѣешь во образъ себѣ пророковъ и Апостоловъ и святителей Христовыхъ въ древности поживших.

9) Богатымъ и высокимъ людямъ, которые въ пышности и гордости міра сего живутъ, ласкать берегись и пороки ихъ уменьшать, или горше того, за ничто поставлять, да не, вмѣсто учителя, ласкателемъ будешь, но всякій порокъ прямо обличай и истину вездѣ и всегда свидѣтельствуй: Божіе бо Слово говоришь, яко посланникъ Божій. Пусть всѣ таковые знаютъ, что ты пастырь еси ихъ и учитель и слово о нихъ имѣешь воздать Праведному Судіи.

10) Ради похвалы и славы человѣческой берегись Божіе Слово говорить, да не погрѣшишь предъ Богомъ, похищая себѣ то, что не твое. Божіе Слово дано ради спасенія человѣческаго и прославленія имени Божія: на сей конецъ проповѣдати тое должно. Когда по надлежащему должность пастырскую будешь исправлять, то будешь похвалу имѣть, хотя не хощешь, однако жъ не отъ всѣхъ. Добри и тщательніи о своемъ спасеніи будутъ любить тебя и хвалить: но злые и нерадящіе о своемъ спасеніи будутъ ненавидѣть и поносить: не всѣмъ бо все нравится.

11) Чему людей подчиненныхъ тебѣ учишь, тое прежде все самъ ты долженъ дѣлать: тако будешь и словомъ и дѣломъ учить, когда нравы и житіе твое слову согласны будутъ. На высокомъ мѣстѣ сидишь и предъ всѣми стоишь: вси убо на тебе и смотрятъ и, что дѣлаешь и говоришь, примѣчаютъ. Учи бо ихъ добру и словомъ и примѣромъ твоимъ ,да и слышатъ отъ устъ твоихъ полезное слово и видятъ образъ добраго житія твоего, и тако словомъ и житіемъ твоимъ пользуются. Возлюбленне, буди людемъ твоимъ свѣтъ и словомъ и житіемъ: буди соль ихъ, буди вождь къ отечеству, а не столбъ, на пути стоящій: указывай имъ путь и самъ

напередъ иди. Стереги ихъ, яко сторожъ, и самъ стерегись: возвѣщай имъ волю Божію, но самъ прежде твори. Зови на великую вѣчнаго блаженства вечерю, но и самъ напередъ иди.

12) Какъ самого пастыря, такъ и людей тщаніе и дѣла безъ помощи Божіей не исправляютъ и успѣха не получаютъ: сего ради пастырь долгъ имѣетъ о себѣ и о людехъ прилежно молитися, да и ему и всѣмъ людямъ поможетъ. Какими добродѣтелями украшенъ и какъ тщателенъ пастырь долженъ быть, въ первомъ и во второмъ посланіи къ Тимоѳею и въ посланіи къ Титу Апостолъ изображаетъ, читай самъ и увидишь. Примѣчанія достойны слова его: "Подобаетъ епископу и пресвитеру быти непорочну, трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, не піаницѣ, не бійцѣ, не сварливу, не мшелоимцу: но кротку, независтливу, не сребролюбиву, свой домъ добре правящу, чада имущу въ послушаніи со всякой чистотой".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Краткій молитвословъ

съ объясненіемъ молитвъ. Молитвословъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, карманнаго формата, 107 стр. и содержитъ: краткія молитвы: утреннія, вечернія, и въ продолженіи дня, Символъ Вѣры, Объясненіе молитвъ и заповѣдей блаженства и Моисеевыхъ, тропари и др. молитвы. Цѣна 50 ¢.

Н. ТАЛЬБЕРГЪ.

Отечественная быль.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

Содержаніе:

Изъ жизни и дѣятельности императрицы Екатерины II. Императоръ Павелъ I въ молодые годы. Императоръ Александръ I умиротворитель Европы. Императоръ Николай I въ жизни и на порогѣ смерти. Царская Россія и Сѣверо-Американская республика въ ихъ исторической дружественности. Царь Миротворецъ. Свѣтлой памяти возлюбленнаго Государя. Прологъ Екатеринбургской трагедіи.

Въ книгѣ 333 стр. Цѣна $3.50